

Посвящается Питеру

.....

Авария на железной дороге

.....

В ЧАС ПИК ПОЕЗДА СТОЛКНУЛИСЬ В ТУМАНЕ — МНОГО ПОГИБШИХ

.....

Вечером 4 декабря, в предместье Лондона, когда одна часть населения возвращалась домой со службы, а другая отправилась за подарками к Рождеству, разыгралась трагедия: два поезда столкнулись в густом тумане под Нанхедской эстакадой. Поезд на Хейс с вокзала Чаринг-Кросс и локомотив в 4.56 с Кэннон-стрит до Рамсгейта выбились из графика из-за неблагоприятной погоды. Вагоны были переполнены, многие пассажиры ехали стоя. В 6.20 поезд на Хейс остановился на семафоре у Сент-Джонса, и тут же в его последний вагон врезался локомотив. Это привело к катастрофе, жертвами которой стало более восьмидесяти человек; и еще двести получили ранения.

Локомотив завалился набок и врезался в стальную опору эстакады, в результате чего часть моста обрушилась и придавила два вагона. Тем временем с Холборнского виадука к рухнувшему участку моста приближался третий поезд, однако машинисту удалось резко затор-

КЛЭР ЧЕМБЕРС

мозить и предотвратить еще одно крушение. Вагоны сошли с рельсов, но никто не пострадал.

Спасательные работы с участием пожарных, полиции, сотрудников железной дороги, врачей и медсестер затрудняли туман и темнота. Ситуацию усугубляло и то, что мост в любую минуту мог рухнуть прямо на спасателей и запертых в вагонах пассажиров.

Но всю эту долгую тревожную ночь к месту аварии прибывали все новые и новые волонтеры, а многие местные жители распахнули двери своих домов, чтобы помочь пострадавшим. Одиннадцать машин скорой помощи развозили раненых по окрестным больницам.

Новость о происшествии распространялась стремительно, местные телефонные линии были перегружены звонками взволнованных родственников. Сотни пассажиров всю ночь не могли выехать из Лондона, поскольку движение в направлении Кента было полностью перекрыто.

Многие погибшие и раненые были жителями Клок-Хауса и Бекенхэма. Именно на этих станциях выход на платформу расположен ближе к задним вагонам, на которые пришла основная сила удара при столкновении.

Администрация Южного района немедленно приступила к расследованию причин катастрофы.

.....

**“Эхо Северного Кента”,
пятница, 6 декабря 1957 года**

.....

Июнь 1957 года

Заметка, с которой все началось, была даже не на первой странице, а на пятой, зажатая между рекламой Школы танцев Патришии Бриксы и отчетом о ежегодном собрании либералов Северного Крофтона. Речь в ней шла о недавнем исследовании партеногенеза у морских ежей, лягушек и кроликов, и автор делал вывод, что, вероятно, и у людей размножение может происходить подобным образом. Большинство читателей “Эха Северного Кента” пропустили бы эту неприемлемую статейку, если бы не мелодраматический заголовок: “Для продолжения рода мужчины больше не нужны!”.

В результате сумка почтальона непривычно раздулась от писем негодующих читателей, причем не только мужчин. В частности, миссис Берил Диплок из Сент-Пол-Крей заклеила высказанные в статье соображения как опасные и нехристианские. Многие читательницы подчеркивали, что такое предположение непременно даст и без того ненадежным

особям мужского пола предлог уклоняться от их прямых обязанностей.

Но одно письмо стояло особняком. Оно было от некой миссис Гретхен Тилбери с Бердетт-роуд, 7, Сидкап и содержало буквально следующее:

Уважаемый редактор!

Меня заинтересовала ваша заметка “Для продолжения рода мужчины больше не нужны!”, опубликованная на прошлой неделе. Я всегда считала, что моя собственная дочь (сейчас ей десять лет) родилась без какого-либо участия мужчины. Если вы хотите узнать больше, можете написать мне по вышеуказанному адресу.

Очередное редакционное совещание — обычно унылое мероприятие, на котором распределяют задания на неделю, планируют следующий выпуск и разбирают ошибки и промахи предыдущего, — прошло необычайно оживленно.

Джин Суинни, редактор отдела, ведущая рубрик, а заодно исполнительница мелких поручений и единственная женщина за столом, взглянула на письмо, которое ее коллеги передавали из рук в руки. Наклонный почерк и странные континентальные петельки напомнили ей о ее школьной учительнице французского. Она так же перечеркивала семерку, а тринадцатилетняя Джин считала это верхом изысканности и даже пыталась копировать, но ее мать положила конец опасной вольности. Реши Джин писать кровью, она едва ли возмутилась бы сильнее: в глазах миссис Суинни все иностранцы были немцами и людьми без стыда и совести.

При мысли о матери Джин вспомнила, что по дороге домой надо забрать ее туфли из ремонта. Для нее оставалось загадкой, зачем человеку, так редко выходящему из дома, столько пар обуви. Еще требовалось купить сигареты, масло мяты перечной, а также почки и шпик, на случай, если ей будет не лень испечь на ужин пирог. Иначе опять “яичница на скорую руку”, вечный запасной вариант.

— Кто-нибудь желает поехать взять интервью у Богородицы Сидкапской? — спросил Ларри, редактор отдела новостей.

Дружно скрипнули стулья — желающих не нашлось.

— Не мое это, — сказал Билл, редактор отдела спорта и развлечений.

Джин медленно протянула руку к письму. Она знала, что рано или поздно оно попадет к ней.

— Отличная мысль, — сказал Ларри, пуская дым через стол. — В конце концов, это женская тема.

— Стоит ли поощрять чокнутых? — усомнился Билл.

— Может, она и не чокнутая, — мягко возразил редактор Рой Дрейк.

Джин улыбнулась, вспомнив, как она его боялась, когда молоденькой девушкой только пришла в газету, какой трепет ее охватывал, когда он вызывал ее к себе в кабинет. Но вскоре ей стало ясно: он вовсе не из тех, кому нравится держать в страхе подчиненных. Отец четырех дочерей, он и к остальным женщинам относился с теплотой. И потом, трудновато трепетать перед человеком, который носит такие мятые костюмы.

— Как же не чокнутая? — не унимался Билл. — Ты что, веришь в непорочное зачатие?

— Нет, но любопытно узнать, почему миссис Тил-
бери верит.

— Письмо она хорошее написала, — сказал Ларри. —
Немногословное.

— Это потому, что она иностранка, — заметила
Джин.

Все посмотрели на нее.

— Ни одна англичанка так буквы не пишет. И потом
это имя — “Гретхен”.

— Понятно, что тут нужна деликатность, — сказал
Рой. — Значит, интервью брать тебе, Джин.

Сидящие вокруг стола закивали. Никто не соби-
рался с ней конкурировать.

— В любом случае, первым делом поезжай знако-
миться. Ты наверняка сразу разберешься, шарлатанка
она или нет.

— Пять минут с ней наедине — и я скажу вам, дев-
ственница она или нет, — сказал Ларри, и все засмея-
лись.

Он откинулся на спинку стула — локти расстав-
лены, пальцы сцеплены за головой, под рубашкой от-
четливо проступили очертания майки.

— Она же не пишет, что так и осталась девственни-
цей, — высказался Билл. — Это было десять лет на-
зад. С тех пор могла и повидать кое-что.

— Не сомневаюсь, что Джин справится и без вашего
экспертного мнения, — сказал Рой, не одобрявший
таких разговоров.

Джин чувствовала, что без него беседа быстро
приняла бы грубоватый оборот. Забавно, что в при-
сутствии Роя все следили за языком, чтобы не оскор-
бить его пуританских чувств. При этом к Джин они
относились как к “своему парню”. И обычно это ей

льстило. Но иногда она замечала, что с женщинами помоложе и покрасивее они обращаются иначе — и эта неуклюжая смесь галантности и заигрывания по отношению к другим приводила ее в уныние.

Остаток рабочего дня Джин сочиняла колонку “Хозяйкины хитрости” и “Свадебные зарисовки” — обзор бракосочетаний прошлой недели.

.....

После приема в общинном центре Сент-Пол-Крей мистер и миссис Плорниш отправились в свадебное путешествие на Сент-Леонард, невеста в бирюзовом пальто и с черными аксессуарами...

.....

Колонка про домашнее хозяйство была легче легкого, потому что все советы поставляли преданные читатели. На первых порах Джин проверяла некоторые из них на практике до публикации. Теперь же ей нравилось отбирать самые несуразные.

Покончив с колонкой и обзором, она написала короткое письмо Гретхен Тилбери, спросила разрешения приехать поговорить с ней и ее дочерью. Поскольку номер телефона не указан, нужно было договариваться письменно. В пять Джин накрыла чехлом пишущую машинку, занесла письмо в отдел корреспонденции и вышла из редакции.

Ее велосипед, прочное сооружение с массивной рамой, доставшееся ей, как и почти все ее имущество, по наследству от многих поколений семейства Суинни, стоял у ограды. А прямо на пути к нему сплелись в тесном объятии машинистка и парень из типографии. Джин знала девушку в лицо, но не по имени;

журналисты нечасто имели дело с сотрудниками других отделов.

Чтобы пробраться к велосипеду, ей пришлось обходить эту парочку, и чувствовала она себя при этом очень глупо; в конце концов они заметили ее и, хихикая и извиняясь, подвинулись. В том, насколько они были поглощены друг другом, было что-то обидное, и Джин пришлось напомнить себе, что к ней это не имеет отношения — просто универсальный симптом любовного недуга. А те, кто им поражен, заслуживают не осуждения, а жалости.

Джин вытащила из кармана шелковый платок и туго завязала его под подбородком, чтобы волосы не лезли в лицо во время езды. Потом втиснула сумку в корзинку на руле, вывезла велосипед к бордюру и, отточенным движением расправив под собой юбку, вскинула себя в седло.

Дорога от здания газеты в Петтс-Вуде до дома в Хейсе занимала всего десять минут, и даже в это время машин почти не было. Солнце стояло высоко в небе; впереди еще несколько часов дневного света. После того как она побудет с матерью, может, останется еще время заняться садом: выползшая из-под соседского забора и угрожающая рядам фасоли сныть требовала неусыпной бдительности.

Копаться в грядках летним вечером — сама мысль об этом приносила бесконечное умиротворение. Лужайки — передняя и задняя — подождут до выходных. Это и без того тяжелая работа, а тут еще придется заодно стричь соседскую траву. Так бывает: сначала — порыв великодушия, а потом одолжение превращается в обязанность, которую одна сторона выполняет все менее охотно, а другая принимает все менее благодарно.

Джин затормозила возле цепочки магазинов, которая тянулась, изгибаясь вниз по холму от станции. Стейк и почки — слишком долго, но мысль о неизбежной яичнице на ужин подействовала на нее угнетающе, и она купила в мясной лавке телячьей печенки. Можно приготовить ее с молодой картошкой и зеленой фасолью с огорода. С остальными пунктами списка тянуть не стоило — в половине шестого все закрывается, а она хорошо себе представляла и реакцию матери, если та останется без туфель и лекарств, и собственные мучения, если кончатся сигареты.

Когда она наконец добралась до дома — скромной одноквартирной постройки 30-х годов, повернутой задом к парку, — радостное настроение испарилось. Укладывая в клетчатую хозяйственную сумку печенку в вошеной бумаге, она умудрилась два раза капнуть кровью на свою серую шерстяную юбку — и ужасно на себя злилась. Юбка совсем недавно побывала в чистке, и Джин по собственному опыту знала, что пятна крови — самые стойкие.

— Джин, это ты? — Голос матери, тревожный, полный упрека, плыл вниз по лестнице в ответ на скрежет ее ключа в замке — как всегда.

— Да, мама, кто же еще, — ответила Джин, как отвечала всегда — чуть более или менее раздраженно, в зависимости от того, как прошел ее день.

Мать появилась на площадке и помахала голубым конвертом.

— Пришло письмо от Дорри, — сказала она. — Хочешь прочитать?

— Может, попозже, — ответила Джин, снимая платок и освобождаясь от разнообразных пакетов.